

Вчера был литературный вечер, посвященный чтению произведений графа Л. Н. Толстого, сегодня общее собрание представителей присяжной адвокатуры — вот мы снова, на которой пронарастали впечатлительные данной московской интеллигенции. Если мы захотим пробыть к этому уединенно Чеховской „Чайки“, уединенно несколько неожиданный посетитель трескучего эстетического пронараст, мы получили возможность сразу „событий“, заведомо обещанных нам нашими и нашими приятелями выступившими на сцене фойе возмущения и безпредельности предпринимательского восторга.

Обыкновенно время перед праздниками — это период счастливой безотны по преимуществу. Люди искупают из угла из угол, рыскают по магазинным и пестрятам, из собственной своей шкуры выделывают, чтобы „с честью“ выполнить праздничный долг по отношению к окружающим жизни, чтобы, то-есть, встретить праздник так, как принято. Именно, „как принято“, а не „как должно“. Этот вопрос, вопрос о том, как мы встречаем и проводим великие в календаре дни жизни. Хочется ли на этот, вопрос, может быть из давнюю минуту прибавить злободневный, даже былинно-эпический тому же фильму, но я любезно предоставляю ее друзьям: Эть, поспод, и погромче еще были выт...

Давать лучше разговаривать о „Яр-
мизе пятнаш“, благо они представляют
значительный интерес и вполне достойны
вышнего благосклонного внимания. „Ярмиза
пятнаш“ эти, повторю, — устать „Чайки“,
Толстовых и прочих, и собрание господь
присиливших адвокатов.

ной верою России, и ныне на долине
теплой юг унеслася в свою чуждую та-
лантливую душу, и свое скорбное немощ-
ное тело.

Мир невозможно рисуете образ Чехова, немного застѣнчиваго, робкаго, какъ-бы замкнутаго въ самомъ себѣ и сосредоточеннаго на какой-то не ясно мелькающей въ его умѣ мысли, образу, пылкомъ много сходныхъ чертъ съ тѣмъ литераторомъ въ „Чайкѣ“, который смутно переноситъ свое смутное литературное призваніе и представляется зрителю какой-то неясной, колеблющейся тѣнью, лишь случайно заблуждающейся среди заурядныхъ условностей жизни...

И ридимъ — образъ другого литератора, боготворима душой и измучаемаго своим перомъ въ работѣ сценическаго воплощенія, можетъ быть, самого тонкаго и самого неяснаго, но въ то-же самое время и самого прекраснаго въ Чеховскихъ сочиненіяхъ. „Чайка“ одно изъ тѣхъ драматическихъ произведеній, для постановки которыхъ на сценѣ мало быть актеровъ, режиссеровъ, мастеровъ въ дѣлѣ организации сценическихъ условностей — нужно быть именно „литераторомъ“ в художникомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нужно любить литературу любовью сильною, страстною, нужно винить въ себѣ красоту Чеховской души и красоту Чеховскаго произведенія, нужно угадать недосказанность его мыслей, нужно понимать легкій, какъ мечта поэта, стиль произведений...

Это удалось Владимиру Наумовичу Давыдову и не удалось Евгению Карлову, ибо первый литератор из самого широкого значения этого слова, не выразил из не-
крупный его митича дворянина, а в ду-
ши в дворянском втором подчиняла,
„неизданный“ литературность и не за-
глядывала!..

Отсюда — излучилость таланта, прехватывающего на первом взгляде сопаршеника неподдельным, траскующим провалом "Чапки" на петербургской казенной сцене, пропала, обесцвеченный взглядом блондиниста сценического дарования, а траскующий успех той-же самой пьесы на сцене, сдвиг и сквозь стекло микроскопа не разглядишь крупного актерского таланта...

Идея это на мой взгляд — целое откровение в области сценического искусства. Оно говорит нашим ушам для того, чтобы слушать, как живет при сценических воплощениях художественного произведения вопрос о «стиле» его, какую важную роль тут играет средство

души режиссерской съ душою авторской.

Судьба было угодно так устроить, что на долю г. Пемравича выпала важная честь познакомить русскую публику в съ отрывкомъ изъ новаго произведенья величайшаго изъ писателей земли русской: на вчерашнемъ „Толстовскомъ“ вечерѣ главнымъ козыремъ была именно эта отрывокъ. Велико обаяніе личности Льва Толстого на современное общество. Едва-ли когда-либо міръ зналъ писателя и мыслителя, до такой степени обладающаго могуществомъ воздействия на человеческіе умы, какъ обладаетъ имъ Левъ Толстой. Надялѣ г. Буренинъ, очень много стѣсняющийся на столбцахъ „Новаго Времени“, уподобилъ Льва Толстого Петру Великому, сравнивая разнѣры воздействия стикъ двухъ колоссальныхъ образовъ на внутренній строй русскоі жизни. Буренинъ, разувѣялся, все можетъ сказать — на то онъ и Буренинъ: но одну изъ пятидесяти онъ сравнилъ Толстого съ Петромъ Великимъ, а въ другую провозгласилъ дѣвицу Щепкину-Куперникъ талантливѣйшей изъ современныя женщины... Не въ данномъ случаѣ несомнѣнное превеличіе буренинской нестѣсненности въ значительной степени отвѣчаетъ характеру плѣнія Льва Толстого на современную нашу действительность.

Вотъ въ чѣмъ, однако, коренная ошибка г. Буренина: Льва Толстого нельзя сравнивать съ Петромъ Великимъ хотя бы только потому, что великій преобразователь Россіи вывартуль изъ калѣнку витѣнную русскую жизнь и толкнулъ Россію по новому пути, указавъ ей окно въ Европу, а Левъ Толстой стремится къ перевероту, пѣющу свою задачу во русскую действительность, а міровую духовную жизнь. Ясная Поляна — эта главнѣйшая резиденція величайшаго изъ людей нашего времени, является какъ-бы фокусомъ, въ который преломляются свѣтовые лучи всего Божьяго міра. Тутъ точно поселилась та міровая душа, о которой бредитъ большой уль декадента въ Чеховской „Чайкѣ“, та міровая душа, въ которой сосредоточилась духовная жизнь всего свѣта, которая находится въ постоянномъ и близкомъ общеніи со всѣми проявленіями высокой мысли и высокимъ духомъ во всеу пространствѣ земли.

Что-бы тамъ ни говорили люди, принципиально расходящіеся съ воззрѣніями графа Льва Толстого, они не могутъ отрицать того, что личность „великаго писателя земли русской“ является въ настоящее время центромъ дузанной міровой

жизни. Пу основныхъ таки будитъ своего и с энергіи поже къ истинѣ и божесу незамѣтной всѣ стороны сознанія, о душу человека въ сферѣ д не снѣлись

Была поукъ голосу і умиль острвалъ переі міра, диктушей исторіи, мы изъ дѣл

Была порі нашего варимъ пронымы стѣжались пу челоушескѣ. Но въ Вольте другихъ подоческаго генія, властью надъ ладаетъ наш

Я рѣшитель образомъ мнѣ ной легкости, стою къ адвѣи знаменито живы“ не і тѣмъ, „тѣмъ“ скамъ тема не идикакого сон жинотрепенуи присяжной і лѣтѣстно, жи радомъ, то-е .Левъ Толстой въ то, что в дѣтъ челоушѣ вѣко, не въ совершенъ б. теперь полу ифсколькѣ дѣлѣнному со нныхъ носков

Первая д Иѣи помѣлѣхъ полимѣлись в особенности передъ послѣ То были пѣи нѣхъ трогамъ „ссылочнаго